

УДК 947 (470.62)

Казачьи республики как фактор государственности

Ерохин Игорь Юрьевич

PhD, старший научный сотрудник,
преподаватель отечественной истории,
Колледж Кройдон,
CR9 1DX, Великобритания, Лондон, Колледж Роуд;
e-mail: eiu21@ya.ru

Аннотация

В статье автор рассматривает феномен казачьих республик в российской истории, показывает специфику и уникальность их государственности, делает выводы о её параполитейном характере и определяет данное состояние как потенциально государственное. На примере Запорожской Сечи анализируется управление и самоуправление в казачьих республиках, элементы демократии и гражданского общества.

Ключевые слова

Республика, демократия, самоуправление, государство, государственность, казачество, сословие.

Введение

В современном мире в среде жестокой конкуренции во всех сферах, а особенно в политике, остро стоит вопрос о сущности и природе государства, феномене государственного строительства. Рациональные меха-

низмы во многом не проясняют те или иные исторические формы государственного строительства, поэтому есть необходимость разобраться в них с точки зрения исторического опыта, уникального феномена казачьих обществ. Вольное военное братство в рамках государственности Запо-

рожской Сечи стало типичным и для других казачьих сообществ. Одинаковость государственного устройства казачьих республик в разных регионах России вызвана общностью внешних и внутренних обстоятельств: необходимостью защиты и умения воевать, службы российскому государству, общим менталитетом, сословными характеристиками.

На рубеже XX – XXI вв., в условиях демократического отката возрос интерес к исследованиям ранних форм демократии. На основе структурно-функционалистских и неофункционалистских традиций развивается новое направление, обоснованное Д. Александером¹. Определяя демократическое общество как «сферу интеракции, институтов и солидарности, которая поддерживает жизнь общества вне областей экономики и государства», он делает упор не на социальных институтах, как его предшественники, а на том, что происходит вне этих институтов². Данное положение позволяет по-новому взглянуть на ранние казачьи республики, рассмотреть причины формирования в недрах этих госу-

дарственных образований автономии и самоуправления. Институт государственности у казаков подтверждают и многочисленные заключенные союзы и дипломатические отношения с европейскими государствами.

Целью данной статьи является раскрыть эволюцию государственного строительства в рамках казачьих сообществ в XVI-XVIII вв. и проследить его преемственность на более поздних этапах российской истории.

Состояние развития казачьих республик

Многие отечественные работы, посвященные казачьей проблематике, делают упор на фактологической, а не теоретической стороне уникальной модели государственности³, анализируют культуру и субкультуру казачества⁴, отношения с российской вла-

1 Александер Д. Власть, политика и гражданская сфера // Социс. – 2009. – № 10. – С. 3-14.

2 Там же. С. 6.

3 История казачества Азиатской России. Т.1. XVI – первая половина XIX в. / Н.А. Миненко (отв. ред). – Екатеринбург, 1995. – 316 с.; Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. – Новосибирск: Наука, 1988. – 277 с.; Соколовский И.Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века. – Новосибирск, 2004. – 212 с.

4 Дхюбан В.В. Особенности казачества как субкультуры // Вопросы культурологии. – 2012. – № 12. – С. 67-70; Рыблова М.А. Донское братство: казачьи

стью⁵. Сложившаяся в нашей стране историческая конъюнктура делала невозможным исследование протодемократических основ казачьей государственности. Сегодня многие работы позволяют делать выводы даже о некоторых элементах гражданского общества в ряде казачьих сообществ. Хотя Ю. Пивоваров и А. Фурсов справедливо утверждают, что у нас и до сих пор агенты социума в большей или меньшей степени остаются субъектами с соизволения и по поручению власти⁶. Казачество и в средние века могло развивать свою автономию в тех рамках и пределах, которые позволялись российским государством.

сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX в. – Волгоград: ВолГУ, 2006. – 342 с.

- 5 Волвенко А.А. Российская власть и донское казачество во II пол. XIX – нач. XX вв. // Пространство власти: исторический опыт имперской России и вызовы современности / под ред. Б.В. Ананьича, С.И. Барзилова. Серия «Университетская наука», Вып.3. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – С. 186-203; Кислицын С.А. Государство и расказачивание. 1917-1945. – Ростов-на-Дону, 1996. – 80 с.
- 6 Хлопин А. Гражданское общество в России: идеология, утопия, реальность (размышления над отечественными публикациями последних лет) // Pro et contra. – 2002. – №1(7). – С. 121, 139.

Республика как форма правления означает совместное, коллегиальное управление делами государства. Внешняя безопасность социальных сообществ всегда сталкивала тотальный и избирательный подходы. Выбор казачества в пользу самоуправления продиктован его противоречивой ментальностью, связанной с характером русского человека.

Самоуправление казаков также носило противоречивый характер, порожденный раздвоением русской общественной жизни в целом. С одной стороны: сильное государство и безусловное подчинение ему, с другой – стремление к земству, самоуправлению, вольнице.

Как пишет Аристотель, «общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни. Отсюда следует, что всякое государство – продукт естественного возникновения, как и первичные община: оно является завершением их, в завершении же называется природа»⁷. Таким образом,

7 Аристотель. Политика. Афинская политика. Серия: «Из классического наследия». – М.: Мысль, 1997. – С. 306.

казачья государственность выступает как «творение природы», как реализация естественной потребности человека – существа общественного, «политического животного» – в общении и совместной деятельности, как высшая форма такого общения, а задача лидеров виделась в нахождении оптимального устройства государства.

Надо учитывать, что государственное строительство имеет очень широкое содержание, включавшее не только собственно политические, но и социальные, экономические, этнические, климатические, этические и иные проблемы в современном их понимании.

Фундамент демократии, т.е. местного самоуправления территорий, если не считать афинскую республику, создаётся в Европе в XI – XII вв., а в Америке – с момента её колонизации. В России такие попытки обнаруживаются в эпоху Новгородской и Псковской республик (которые называют прообразом казачьих республик), затем в начале правления Ивана IV («губные старосты»). Их называют неудачными, как и сегодняшнее строительство демократических институтов. Для эффективного самоуправления необходима гражданская активность на местах. Примером истинной самодея-

тельности и самоуправления предстаёт Запорожская Сечь – военная республика, где каждый мог участвовать в управлении.

Одним из популярных вариантов сословного и национального самоуправления является создание собственного независимого государства. Однако он далеко не единственный: в случае с казачьими сообществами просматривается вариант преодоления государственного тягла формирующейся империи. По мере централизации и объединения земель под властью московских государей, казаки искали возможности автономии и противодействия надвигающемуся левиафану. Его право распоряжаться судьбой всех находящихся в его орбите сдерживало казачью вольницу. Формирование российского централизованного государства шло постепенно, но в итоге смело все другие формы политического бытия, оно не предполагало суверенитета. В 1775 г. Казачья Сечь была сметена этими процессами в связи с очередным социальным бунтом против власти.

Среди трудностей становления демократии в России сегодня отмечается не только распад традиционных норм и социокультурных связей, но и возникновение завышенных матери-

альных и статусных ожиданий. Эти ожидания, особенно на ранних, незрелых стадиях конструирования демократических казачьих сообществ, чаще всего не могли быть утолены, ибо формировались из глубоко традиционного, подчас даже инфантильного и архаического духовно-психологического склада. Преданность российскому царю и российскому государству удивительным образом соседствовала в казачьем сознании с противодействием государственному строю, когда он переставал удовлетворять его.

Так, например, после Смуты недовольство властью, жажда порядка и покоя легли в основу психологических настроений казачества. Избрание Михаила Романова не могло удовлетворить и другие социальные группы. В мифологизированном сознании ещё долго бродили неясные социальные чаяния, связанные с самозванщиной. По исследованиям С.В. Бахрушина, взявшим за основу следственные дела по политическим преступлениям тех лет, можно выявить примечательные факты. Так, в 1622 г. на Коломне Демид Фролов в разговоре с несколькими казаками заявил: «Царь де Дмитрий жив, объявился де он в Запорогах; и из Запорогов послал его Саадачной к королю, платье де

ему добыл, дал русский казак, Васьюкою зовут, тому де будет 7 лет»⁸. Так создавалась новая легенда, вызванная недовольством новой власти и связанная с казачеством, как основным источником бунта.

Вольница и свобода стали основным фундаментом казачьей республики. Все казаки, живущие в ней, считались свободными и равными в правах. Однако всё же постепенно богатое казачество становилось «равнее» и фактически нередко диктовало свою волю. В основе примитивного казачьего самоуправления стояла выборность начальников – атаманов, есаулов, совместное управление, суд, казна, строгое товарищество. Однако законы не фиксировались, сохранялось обычное право.

Ещё Н.И. Костомаров выделял у разных казачьих сообществ одинаковое стремление «удержать свою корпоративность против государственной власти, но вместе с тем и готовность служить государству с сохранением своей вольницы»⁹. Мо-

8 Бахрушин С.В. Политические толки в царствование Михаила Федоровича // Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. – М.: Наука, 1987. – С. 92.

9 Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. – М.: Эсмо, 2007. – С. 265.

сковское правительство мирилось с казачьей вольницей в обмен на службу и защиту границ. В рамках этого процесса происходят «торг» и обмен политическими ресурсами. Это подчеркивает асимметричный характер отношений ранних сформировавшихся казачьих сообществ и российской власти, а её ресурсы в дальнейшем стали использоваться для влияния, что повысило потенциал и силу воздействия субъекта власти.

Однако кроме «прирученных» государством служилых казаков появлялись и вольные самостоятельные братства, одним из которых явилось уникальное государственное образование Запорожская Сечь. Они «управлялись сами собою, считали себя независимыми и если изъявляли готовность служить царю, то как бы добровольно»¹⁰. Это вольное братство было открыто для всех. Однако приём в Запорожскую Сечь (напоминая принятие гражданства) осуществлялся на определенных условиях, главными из которых являлись военная подготовка и православная вера. Нередко казачьи сообщества выражали недовольство российскими властями, вопреки запретам и указам вели войны с соседями, нападали на царских послов,

10 Там же.

грабили купцов, давали у себя приют опальным и беглым.

Само понятие казак сперва означало вольного бродягу, а потом воинов, удальцов. В народном сознании оно имело широкий смысл и прочно закрепилось со стремлением уйти от тягла, подчинения власти, от государственного гнёта, притеснений. По мнению Костомарова, «всякий шатавшийся беглец был в народном смысле казак... Народ русский, выбиваясь из государственных рамок, искал в казачестве нового, иного общественного строя»¹¹. Также к началу XVII в. в общественном сознании сложилось представление, что «на казаков нельзя положиться, что они таят в себе мысль о новой самозванщине»¹².

В зависимости от конкретных обстоятельств лояльность рассматриваемых казачьих сообществ менялась. Таким же мобильным и динамичным был статус казаков в системе управления их государством. Любой начальник мог быть смещен, а любой казак оказаться обладателем высокого статуса и должности, поскольку и

11 Там же. С. 266.

12 Бахрушин С.В. Политические толки в царствование Михаила Федоровича // Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. – М.: Наука, 1987. – С. 92.

знать и рядовые казаки были еще организованы в одни и те же социально-родственные институты, имевшие военно-корпоративную природу. Практически все отношения в рамках государственного строительства строились у казаков по модели родственных. Так понятие «атаман» – казачий вождь произошло от древнегерманских *atta* – отец и *mann* – витязь, муж. Первоначальное значение атамана как «отца витязей» или «отца мужей» сохранилось в памяти казаков как «отец-атаман», «батька-атаман».

Зарождение самой политики и государственности в казачьих сообществах XV–XVI вв. прослеживается в связи с эволюцией военного лидерства. Первые политические действия, давшие начало казачьему самоуправлению в рамках, например, Запорожской Сечи, обусловлены военным взаимодействием и в том числе выстраиванием отношений с российским государством. Это повышало значимость военной составляющей в структуре общественного сознания казаков и их менталитета и формировало предпосылки для становления властно-управленческих функций казачьего атамана.

Делая анализ психологических механизмов власти в казачьей респу-

блике необходимо обратить внимание на огромное значение религии. Не случайно собрания рады проходили в основные религиозные праздники, как бы «освящая» принятые решения.

Особо показательным в процессе государственного строительства выступает административно-территориальное деление казачьих республик. В рамках XVI–XVII вв. можно говорить о территориально-политическом делении, т.к. шло объединение территории в своего рода военные округа – единицы традиционного боевого порядка. Они как бы «перекраивали» традиционные (естественные) границы, тем самым подчеркивая свою самостоятельность. Запорожская Сечь делилась на курени, имевших войсковую специфику. Новая Сечь (XVIII в.) делилась на округа (паланки), а те, в свою очередь, на слободы.

Тенденция к централизации власти в руках атамана говорит о военной организации данного социально-политического института. Нередко он выступал как диктатор, вынося смертные приговоры провинившимся, принимая во время войны важные стратегические решения. Атаман был первым среди равных, но постепенно становился верховным правителем,

проецируя модели самодержавной российской власти. Атаман избирался на заседании рады, но затем был непререкаемым авторитетом.

Рада соединила в себе функции законодательной, исполнительной (административной) и судебной власти в казачьей республике. Выделяют войсковую, куренную и паланочную рады. Особенно важные вопросы обсуждались на войсковой раде: о начале войны, мирных переговорах, походах, наказании врагов, разделе земель, выборе начальства и должностных лиц.

Прямое управление через выборных лиц в казачьей республике является прообразом правительства, состоявшего условно из ведомств – административного, хозяйственного и международного. Тот факт, что кошевой атаман, куренные атаманы и выборные старшины вынуждены были совещаться с рядовыми казаками (хотя и не всеми – зимовые казаки не допускались к участию в радах) ясно говорит о демократическом характере казачьей государственности. При этом нельзя забывать, что решающее слово оставалось за атаманом и военная элита играла важную роль в государственном управлении...

При анализе сущности казачьей республики, необходимо пони-

мать особенности той демократии. Ведь демократия – это всегда распутье, система свободы, для которой нет ничего абсолютного. Демократия есть пустое пространство, в котором могут развиваться самые разнообразные политические стремления и формы государственности. Казачьи республики исторически доказывают современный тезис У. Растоу, что демократия вырастает из конфликта и компромисса, но выживает благодаря общественному согласию. Доверие к власти в казачьей республике строилось на её военной организации, безусловном выполнении приказов.

Известный исследователь В.А. Тишков обнаружил в истории российской государственности все признаки озабоченности проблемой консолидации народа (народов) империи в ходе модернизации и весьма раннее толкование нации как общности, переживающей свою связанность (если и не полное единство) через государственность¹³. Еще сложнее обстоит дело с идентичностью. Русская идентичность строилась преимущественно не на этнических, а на традиционных основаниях: конфессиональных

13 Тишков В.А., Шнирельман В.А. Национализм в мировой истории. – М.: Наука, 2007. – С. 570.

(«мы» – «православные», «хрестьяне», они – «нехристи»/ «басурмане»), сословных («мы» – «казаки») или территориально-локальных/региональных («мы» – «донские», «запорожские», «яицкие»). Лишь в экстремальных ситуациях угрозы потери независимости казаки идентифицировали себя с государством, принимали власть, олицетворением которых для них был российский правитель.

Феномен казачьей государственности полон противоречий: с одной стороны, мы видим заметное возрастание роли атамана в жизни казачьего государства, значительная концентрация в его руках важнейших ресурсов власти и управления, а с другой стороны, шло постепенно усиление политической активности и участия казаков в общественно значимых мероприятиях.

Политическая власть в казачьих государствах характеризуется способностью и возможностью для тех, кто ею обладает, проводить свою волю в руководстве и управлении всем обществом (государством), оказывать определяющее воздействие на поведение казаков с помощью средств, находящихся в распоряжении государства, мобилизовывать на достижение поставленных целей, регулировать

отношения между станичниками (в том числе ради стабильности и общественного согласия).

Опыт государственного строительства казачьих республик приводят к ряду сложных дихотомий. Власть и свобода, власть и насилие, власть и авторитет, власть и личность. До сих пор в исторической науке нет единства по поводу того, что скрывается за многогранным феноменом казачьего самоуправления, феноменом господства одного над другими, личности над массами, лидера над ведомыми¹⁴.

Цель казачьего самоуправления в рамках государственности состояла в том, чтобы посредством прямого или косвенного воздействия, объединения или разъединения людей: а) противодействовать внешним вторжениям, деструкции, кризису, упадку, нейтрализовывать влияние российского государства и конфликты с ним связанные; б) стремиться к максимуму стабиль-

14 Дхюбан В.В. Особенности казачества как субкультуры // Вопросы культурологии. – 2012. – № 12. – С. 67-70; История казачества Азиатской России. Т.1. XVI – первая половина XIX в. / Н.А. Миненко (отв. ред). – Екатеринбург, 1995. – 316 с.; Кислицын С.А. Государство и расказачивание. 1917-1945. – Ростов-на-Дону, 1996. – 80 с.; Рыблова М.А. Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX в. – Волгоград: ВолГУ, 2006. – 342 с.

ности своего сообщества, поиску всех видов ресурсов для этого.

Один из основных факторов, способствующих становлению политической системы казачьей республики, является структура семьи. Статус отца в казачьей патриархальной семье был чрезвычайно высок. Это было обусловлено прежде всего тем, что на нем лежала ответственность за принятие важных решений в семье. Казаки демонстрировали своё уважительное отношение атаману, старались поддерживать непогрешимость его репутации и авторитета, так же члены семьи относились к отцу – главе рода.

По наблюдениям специалистов, государство функционирует эффективно только тогда, когда граждане позитивно воспринимают власть и оказывают ей психологическое содействие, идентифицируют себя с этой властью. Принято считать, что совокупность положительных образов власть предержащих формируется в детстве под влиянием особенностей властных отношений, складывающихся, прежде всего, в семье.

Развитие казачьей государственности можно рассматривать в рамках патриархальной теории происхождения государства, которая выводит истоки государства из семьи,

т.е. семья эволюционирует до государства. Развитие института семьи под влиянием исторических процессов способствовало у казаков становлению более демократичных отношений в государстве при сохранении единого властного центра. Интересно, что значительные изменения, произошедшие в начале XX в. как в самом институте семьи, так и во властных отношениях внутри неё проецировались уже в иную форму государственности казаков, чем это было в XVI в. Казачьи республики времен Гражданской войны уже не несут в себе былых элементов демократии, хотя ставили перед собой те же задачи – противопоставить себя российскому государству.

Для этого времени характерен хоть и медленный, но уже начавшийся слом патриархально-авторитарной семейной системы казаков, отразившийся и на формах государственности. Это не могло не сказаться на формировании детского набора образов государства и власти в целом и на попытках создания казаками альтернативной Донской республики в 1918 г.

Отмеченные для более ранних периодов патриархальные трактовки в среде казаков о власти, идеи о верховной власти как арбитра и заступнике, а образе царя как собирательном

отеческом, в начале XX в. привели большую часть населения к разочарованию. Уже в начале 1915 г. среди казачества наблюдается рост недовольства и преобладание мыслей об отсутствии порядка в стране. Поэтому после революции были предприняты попытки организовать свою высшую власть.

Заключение

Можно сделать вывод, что казачьи республики представляли собой вторичную (параллельную) модель государства в рамках Российской Империи. Такое паразитическое состояние социальных органов можно определить как потенциально государственное, т.е. ситуацию, когда казачье общество переходило к следующему этапу своего развития лишь отдельны-

ми элементами при сохранении предшествующих форм – обычного права, структуры семьи, примитивных моделей самоуправления.

Итак, история развития демократических институтов не теряет своей академической и практической актуальности. Опыт формирования собственной государственности с элементами демократии, какой нам дают казачьи республики, привлекают своей уникальностью и содержат бесценные традиции для современного государственного строительства России и Украины.

В условиях политической инфантильности населения казачье самоуправление даёт пример зачаточного, но действенного гражданского общества в тех условиях, способствовавшего снижению авторитарных тенденций в управлении обществом.

Библиография

1. Александер Д. Власть, политика и гражданская сфера // Социс. – 2009. – № 10. – С. 3-14.
2. Аристотель. Политика. Афинская полития. Серия: "Из классического наследия". – М.: Мысль, 1997. – 466 с.
3. Бахрушин С.В. Политические толки в царствование Михаила Федоровича // Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. – М.: Наука, 1987. – С. 87-118.

4. Волвенко А.А. Российская власть и донское казачество во II пол. XIX – нач. XX вв. // *Пространство власти: исторический опыт имперской России и вызовы современности* / под ред. Б.В. Ананьича, С.И. Барзилова. Серия “Университетская наука”, Вып. 3. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – С. 186-203.
5. Дхюбан В.В. Особенности казачества как субкультуры // *Вопросы культурологии*. – 2012. – № 12. – С. 67-70.
6. *История казачества Азиатской России*. Т.1. XVI – первая половина XIX в. / Н.А. Миненко (отв. ред). – Екатеринбург, 1995. – 316 с.
7. Кислицын С.А. Государство и расказачивание. 1917-1945. – Ростов-на-Дону, 1996. – 80 с.
8. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. – М.: Эсмо, 2007. – 1024 с.
9. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. – Новосибирск: Наука, 1988. – 277 с.
10. Рыблова М.А. Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX в. – Волгоград: ВолГУ, 2006. – 342 с.
11. Соколовский И.Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века. – Новосибирск, 2004. – 212 с.
12. Тишков В.А., Шнирельман В.А. Национализм в мировой истории. – М.: Наука, 2007. – 657 с.
13. Хлопин А. Гражданское общество в России: идеология, утопия, реальность (размышления над отечественными публикациями последних лет) // *Pro et contra*. – 2002. – № 1(7). – С. 120-141.

Cossack republics as a factor of statehood

Erokhin Igor' Yur'evich

PhD, senior research fellow,
teacher of national history,

Croydon College,
CR9 1DX, College Road, London, Great Britain;
e-mail: eiu21@ya.ru

Abstract

In today's world, in an environment of fierce competition in all areas and especially in politics, there is an issue of the essence and nature of the state, the phenomenon of nation-building. Rational mechanisms largely do not clarify certain historical forms of state-building, so there is a need to understand them in terms of historical experience, a unique phenomenon of the Cossack communities. Free-style martial fraternity in the state Zaporizhzhya Sich became typical for other Cossack communities. The identity of the state system of the Cossack republics in different regions of Russia caused by the common external and internal factors: the need to protect and ability to fight, the Russian state service, common mentality, estate characteristics.

Cossack republics represented a secondary (parallel) model of the state as a part of the Russian Empire. Such a state of social agencies can be defined as a potential state, i.e. the situation where the Cossack community is moving to the next stage of its development only with individual elements while maintaining previous forms – customary law, family structure, primitive models of self-government.

Keywords

Republic, democracy, self-government, state, statehood, Cossacks, estate.

References

1. Aleksander, D. (2009), "Power, politics and the civil sphere" ["Vlast', politika i grazhdanskaya sfera"], *Sotsis*, No. 10, pp. 3-14.
2. Aristotle. *Policy. Athenians polity. Series: "From the classical heritage"* [Aristotel'. *Politika. Afinskaya politiya. Seriya: "Iz klassicheskogo naslediya"*], Mysl', Moscow, 1997, 466 p.
3. Bakhrushin, S.V. (1987), "Political comments in the reign of Mikhail Fedorovich", *Works on source studies, historiography and history of Russian feudalism* ["Polit-

- icheskie tolki v tsarstvovanie Mikhaila Fedorovicha", *Trudy po istochnikovedeniyu, istoriografii i istorii Rossii epokhi feodalizma*], Nauka, Moscow, pp. 87-118.
4. Dkhyuban, V.V. (2012), "Features of the Cossacks as a subculture" ["Osobennosti kazachestva kak subkul'tury"], *Voprosy kul'turologi*, No. 12, pp. 67-70.
 5. Khlopin, A. (2002), "Civil society in Russia: ideology, utopia, reality (reflections on national publications of recent years)" ["Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii: ideologiya, utopiya, real'nost' (razmyshleniya nad otechestvennymi publikatsiyami poslednikh let)"], *Pro et contra*, No. 1(7), pp. 120-141.
 6. Kislitsyn, S.A. (1996), *State and decossackization . 1917-1945* [*Gosudarstvo i raskazachivanie. 1917-1945*], Rostov-on-Don, 80 p.
 7. Kostomarov, N.I. (2007), *Russian history in the lives of its most important figures* [*Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneishikh deyatelei*], Esmo, Moscow, 1024 p.
 8. Minenko, N.A. (1995), *History of the Cossacks of Asian Russia. Vol.1. XVI – first half of XIX century* [*Istoriya kazachestva Aziatskoi Rossii. T.1. XVI – pervaya polovina XIX v.*], Yekaterinburg, 316 p.
 9. Nikitin, N.I. (1988), *Service class people in Western Siberia in the XVII cent.* [*Sluzhilye lyudi v Zapadnoi Sibiri XVII v.*], Nauka, Novosibirsk, 277 p.
 10. Ryblova, M.A. (2006), *Don fraternity: the Don Cossack community in XVI – the first third of the XIX centuries* [*Donskoe bratstvo: kazach'i soobshchestva na Donu v XVI – pervoi treti XIX v.*], VolGU, Volgograd, 342 p.
 11. Sokolovskii, I.R. (2004), *Service class "foreigners" in Siberia in the XVII century* [*Sluzhilye "inozemtsy" v Sibiri XVII veka*], Novosibirsk, 212 p.
 12. Tishkov, V.A., Shnirel'man, V.A. (2007), *Nationalism in World History* [*Natsionalizm v mirovoi istorii*], Nauka, Moscow, 657 p.
 13. Volvenko, A.A., Anan'ich, B.V., Barzilov, S.I. (2001), "Russian government and the Don Cossacks in the II half of the XIX – early XX centuries", *Space of power: the historical experience of imperial Russia and the challenges of our time. Series "University Science", Vol. 3* ["Rossiiskaya vlast' i donskoe kazachestvo vo II pol. XIX – nach. XX vv."], *Prostranstvo vlasti: istoricheskii opyt imperskoi Rossii i vyzovy sovremennosti. Seriya "Universitetskaya nauka", Vyp. 3*], Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, Moscow, pp. 186-203.